

Научная статья / Research Article

УДК 902(574.3)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-10)

EDN: GBQJMX

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛАНДШАФТА ОЙРАТО-КАЗАХСКОГО ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В МЕЖДУРЕЧЬЕ БУЛАНТЫ-БЕЛЕУИТЫ В 2024 ГОДУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

**Эмма Радиковна Усманова¹, Евгений Анатольевич Дмитриев^{2*},
Рымбек Муратович Жумашев³, Жанерке Наурызбаевна Шайгозова⁴,
Владимир Анатольевич Лопатин⁵**

¹Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском исследовательском университете имени академика Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан; Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан; Институт археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия; emmadervish2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1625-5086>

²Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском исследовательском университете имени академика Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; yevgenii1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1440-7675>

³Карагандинский исследовательский университет имени академика Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан; zhumashev_rymbek@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9806-3997>

⁴Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан; zanna_73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-7598>

⁵Краевед-картограф, г. Житикара, Казахстан; vl. 19.83@yandex.kz, <https://orcid.org/0009-0000-5719-0480>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В серии казахско-ойратских военных конфликтов особое значение имеет Булантинская битва. Комплексное исследование в 2007–2010 гг. в долине р. Калмаккырган и урочище Карасуыр выявило ряд исторических объектов, предварительно отнесенных ко времени военных столкновений между казахами и ойратами. Однако проведенные в 2011 и 2023 гг. археологические раскопки могильника Карасуыр не подтвердили выдвинутого предположения о локации битвы в урочище Карасуыр. В 2024 г. были осуществлены поисково-разведочные работы в долинах рек Калмаккырган и Курайлы. В статье публикуются результаты повторного обследования сопки Калмактепе. Подтверждено наличие руинированного сооружения в виде остатков ка-мала малого отъезжего караула ойратов. На берегу реки Курайлы обнаружен некрополь с над-могильными камнями-сынтасами с изображениями родовых тамг казахов Старшего и Сред-него жузов. Возможно, памятник представляет собой братское воинское захоронение XVIII в.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Улытау, Буланты-Белеуитты, ойраты, военный конфликт, ландшафт, тамги, Булантинская битва

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МНВО РК, проект BR24992951 «Археологическое наследие Сарыарки (от эпохи камня до средневековья)».

Для цитирования: Усманова Э.Р., Дмитриев Е.А., Жумашев Р.М., Шайгозова Ж.Н., Лопатин В.А. Археологические исследования ландшафта ойрато-казахского военного конфликта в междуречье Буланты-Белеуитты в 2024 году (предварительные результаты) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №2. С. 169–182. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-10)

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE LANDSCAPE OF THE OYRAT-KAZAKH MILITARY CONFLICT IN THE BULANTY- BELEUITTY INTERFLUVE IN 2024 (PRELIMINARY RESULTS)

**Emma R. Usmanova¹, Evgeniy A. Dmitriev^{2*}, Rymbek M. Zhumashev³,
Zhanerke N. Shaigozova⁴, Vladimir A. Lopatin⁵**

¹Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda Research University. Karaganda, Kazakhstan; Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Almaty, Kazakhstan; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation;

emmadervish2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1625-5086>

²Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda Research University. Karaganda, Kazakhstan; Altai State University, Barnaul, Russian Federation; yevgenii1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1440-7675>

³Karaganda Research University named after Academician E. A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan; zhumashev_rymbek@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9806-3997>

⁴Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Kazakhstan; zanna_73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-7598>

⁵local historian-cartographer, Zhitikara, Kazakhstan; vl.19.83@yandex.kz, <https://orcid.org/0009-0000-5719-0480>

*Corresponding author

Abstract. The Battle of Bulanty is of particular importance in a series of Kazakh-Oirat military conflicts. A comprehensive study in 2007–2010 in the Kalmakkyrgan River valley and the Karasuy tract revealed a number of historical sites tentatively attributed to the time of military clashes between the Kazakhs and Oirats. However, archaeological excavations of the Karasuy burial ground conducted in 2011 and 2023 did not confirm the assumption put forward about the location of the battle in the Karasuy tract. In 2024, exploratory work was carried out in the valleys of the Kalmakkyrgan and Kuraily rivers. The results of a repeated survey of the Kalmaktepe hill are published in this article. The presence of a ruined structure in the form of the remains of a small Oirat outpost guardhouse has been confirmed. A necropolis with tombstones-syntas with the images of the Kazakhs' ancestral tamgas of the Senior and Middle Zhuzes was discovered on the bank of the Kuraila River. The monument may be a fraternal military burial of the 18th century.

Keywords: Central Kazakhstan, Ulytau, Bulanty-Beleuitty, Oirats, military conflict, landscape, tamgas, Battle of Bulanty

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of a program-targeted funding of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2024–2026, Project IRN BR24992951 “The Archaeological Heritage of Saryarka (from the Stone Age to the Middle Ages)”.

For citation: Usmanova E.R., Dmitriev E.A., Zhumashev R.M., Shaigozova Zh.N., Lopatin V.A. Archaeological Research of the Landscape of the Oyrat-Kazakh Military Conflict in the Bulanty-Beleuitty Interfluve in 2024 (preliminary results). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(2):169–182. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(2\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(2).-10)

*Богаты вы, степи казахские,
Батырами славных времен,
Когда с черной силой джунгарскою
В сраженьях был подвиг рожден!
Константин Лунин*

Введение

Изучение памятников, связанных с казахско-ойратским противостоянием, происходившим в XVII — середине XVIII в., определяет зоны ландшафтов военного конфликта противоборствующих сторон. Комплексное исследование топографии, геоморфологии, археологии, военно-исторической топонимики, картографии и этнографии центральной части Чу-Илийского региона выявило территорию Аныракайского сражения, которое явилось кульминацией казахско-ойратской войны 1723–1730 гг. (Ерофеева, 2014а, с. 52). Однако следует указать на сложность в идентификации, локализации полей сражений на местности из-за отсутствия контекста материальных остатков.

Одним из ключевых событий казахско-ойратского противостояния является Булантинская битва, которая состоялась в 1727 г. в междуречье Буланты-Белеуитты, северо-западная часть Бетпакдалы (обл. Улытау, Казахстан). Согласно народному преданию, зафиксированному А. А. Диваевым, в данной местности казахским ополчением было нанесено первое крупное поражение военным отрядам ойратов: «Наконец калмыки бежали на Блауты-Буланты, понеся полный погром, причем самый блистательный бой одержан киргизами (казахами. — *Прим. авт.*) на местности Кара-Сиир. Местность эта и по сие время называется Калмак-Крылган (совр. Калмаккырган (Ерофеева, 2014б, с. 86)), т. е. гибель калмыков» (Диваев, 1905).

Материалы исследований и обсуждение

В 2007–2010 гг. территория юго-западных отрогов гор Улытау стала объектом ландшафтно-географических, геоморфологических, археологических и историко-этнографических изысканий, проведенных группой сотрудников Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов (директор И. В. Ерофеева, специалисты Б. Ж. Аубекеров, С. В. Перевозов, Э. Р. Усманова, А. С. Суслов, Е. Ж. Оразбек, Р. Сала, Ж.-М. Деом) (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 70). Была открыта группа памятников, расположенных в долине реки Калмаккырган (ранее Белеуитты) и в урочище Карасуыр (данная локация — Кара-Сиир — предполагалась как одно из вероятных мест Булантинской битвы). В ходе исследований осуществлено геоморфологическое описание местности, собран информационно-этнографический ресурс по топонимам и сказаниям о Булантинской битве, обнаружены некрополи на сопках Калмактепе и Карасуыр (Булантинская битва..., 2015).

В 2011 г. экспедицией Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов совместно с Национальным историко-культурным и природным заповедником-музеем «Улытау» были осуществлены раскопки могильника Карасуыр, направленные на изучение социально-политических событий в казахской степи XVIII в. Однако исследованные захоронения имели характерные признаки

ритуалов и погребального инвентаря, свойственных монгольской погребальной обрядности. По результатам радиоуглеродного датирования они относятся к золотоордынскому времени (конец XIII — начало XIV в.) (Усманова и др., 2018). Таким образом, вопрос о локализации места сражения Булантинской битвы в урочище Карасуыр остается на сегодняшний день открытым.

В 2024 г. экспедицией Карагандинского исследовательского университета имени академика Е. А. Букетова и Сарыаркинского археологического института (Э. Р. Усманова, Р. М. Жумашев, Е. А. Дмитриев) с участием казахстанских краеведов (Т. А. Тлеубергенов, К. Д. Турсунов, Е. С. Сарыбаев) были осуществлены поисково-разведочные работы в районе рек Калмаккырган и Курайлы, целью которых было выявление новых памятников позднего средневековья, возможно, связанных со временем казахско-ойратских военных конфликтов.

Некрополь на сопке Калмактепе. Главным пунктом обследования стала сопка Калмактепе, на вершине которой, по мнению Б. Ж. Аубекерова и И. В. Ерофеевой, ойратами был размещен стационарный пункт для наблюдения за местностью (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73). Примечательно, что гряда высоких сопок (вместе с Калмактепе) создает оптическую иллюзию в виде горного монолита куполообразной формы, напоминающего булаву (рис. 1.-3). Сопка ранее носила название Калмак-Чингара, которое, вероятно, было зафиксировано первыми российскими топографами XIX в. По поводу интерпретации названия *Чингара* можно выдвинуть две версии. *Чон* — (калм. волк) — *волчья гора*. *Очир* (калм. булава) — *гора-булава*, что точно передает форму сопки². В любом случае первоначальное наличие топонима калмыцкого (ойратского) происхождения представляет интерес и требует специального лингвистического изучения, выходящего за рамки данной статьи.

В геоморфологическом строении района Калмактепе выделяются следующие типы рельефа: эрозионно-тектонический грядово-увалистый мелкосопочник и эрозионный приречный мелкосопочник; русло, пойма и первая надпойменная терраса долины р. Калмаккырган (Усманова, Оразбек., Перевозов, 2010). Эрозионно-тектонический грядово-увалистый мелкосопочник с абсолютными отметками высот до 35 м распространен на большей территории района и занимает практически всю северную его часть, окаймляя самый широкий участок долины реки. Он представлен сопкой Калмактепе и расположенными к северу от нее несколькими более низкими сопками (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73–74). В самой долине р. Калмаккырган выделяется русло с сохранившимися плесами, неширокая пойма и первая надпойменная терраса высотой до 5 м, сложенная супесчано-глинистым материалом. Ширина террасы в месте расположения сопки Калмактепе является довольно большой и достигает около 200 м. Русло реки здесь образует большие глубокие плесы, густо заросшие камышом и богатые рыбой (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 75).

Сопка Калмактепе имеет асимметричные склоны: южный склон ее является довольно крутым, а северный и восточный — более пологими (рис. 1.-5). Сопка Калмактепе — высота над уровнем моря: ГТОРО30–254 м. На разных высотах двух последних склонов расположен могильник, датирующийся предположительно поздним средневеко-

² Консультация проф. Т. Г. Басанговой, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.

вьем — началом нового времени. Он состоит из сооружений в виде небольших насыпей из камней темного серо-зеленого цвета, покрытых мхом рыжего цвета (рис. 1.-4).

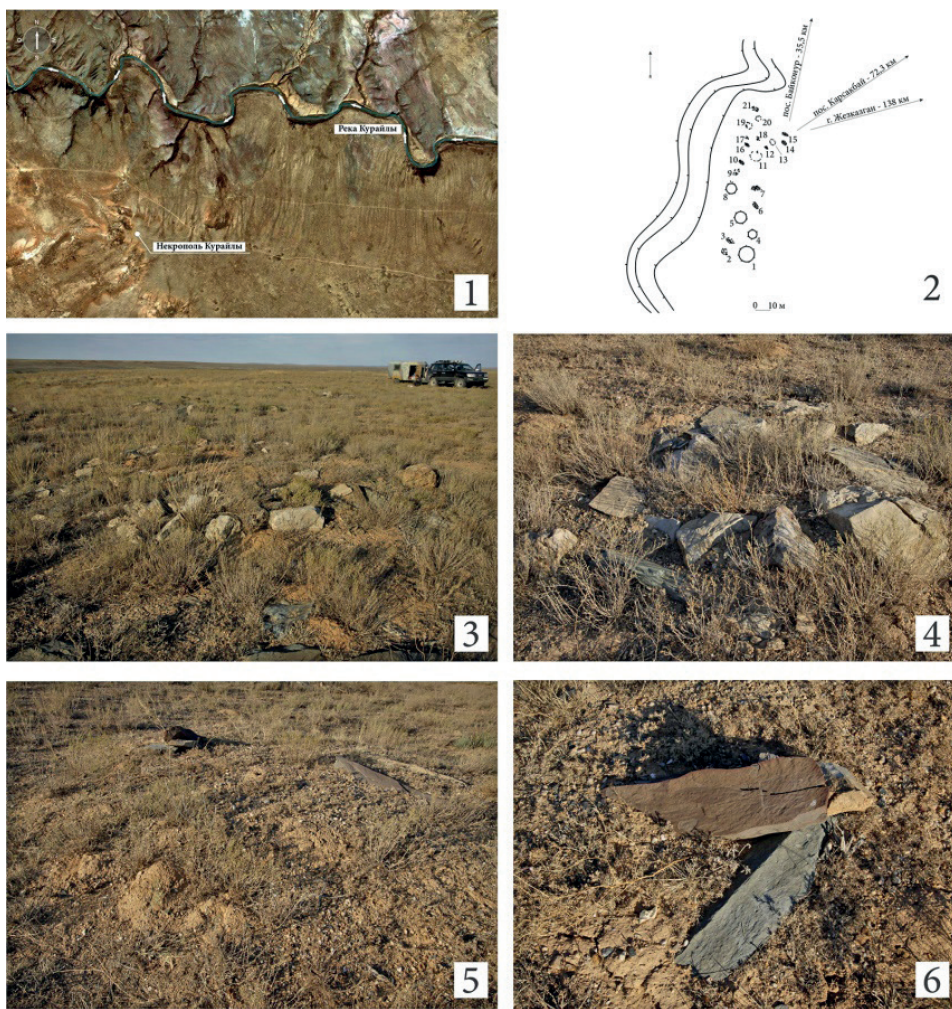

Рис. 1. Сопка Калмыктепе: 1 — Google-карта. Общий вид сопки Калмыктепе и могильника. Рисунок В. А. Лопатина; 2 — Сопка Калмыктепе. Ситуационный план могильника; 3 — Сопка Калмыктепе. Общий вид. Фото Э. Р. Усмановой; 4 — Сопка Калмыктепе. Вид погребальных сооружений. Фото Э. Р. Усмановой; 5 — Сопка Калмыктепе. Вид с южной стороны. Фото Е. А. Дмитриева; 6 — Сопка Калмыктепе. Вид могильника сверху. Фото Е. А. Дмитриева
 Fig. 1. Kalmyk-Tepe Hill: 1 — Google map. General view of Kalmyk-Tepe Hill and the burial ground. Figure V. A. Lopatin; 2 — Kalmyk-Tepe Hill. Situational plan of the burial ground. Fig. 1. Kalmyk-Tepe Hill. General view. Photo by E. R. Usmanova; 4 — Kalmyk-Tepe Hill. View of the burial structures. Photo by E. R. Usmanova; 5 — Kalmyk-Tepe Hill. View from the southern side. Photo by E. A. Dmitriev; 6 — Kalmyk-Tepe Hill. View of the burial ground from above. Photo by E. A. Dmitriev

Памятник находится в 136 км к юго-западу от г. Жезказган, в 98,4 км к юго-западу-западу от пос. Карсакабай (рис. 1.-1). На вершине сопки в широтном направлении находилась

погребальная площадка, на которой зафиксированы 39 сооружений (рис. 1.-2). Основная часть погребальных сооружений сосредоточена в восточной части. По внешним характеристикам погребальные сооружения неоднородны и представлены как крупными курганами с каменными насыпями до 12–15 м в диаметре, так и небольшими выкладками из камней размерами 3–4×5–6×8 м (рис. 1.-2, 4, 6). Четыре погребальных комплекса имеют вертикально установленные надмогильные стелы, преимущественно из базальта темно-зеленого, почти черного цвета. Один из них имеет антропоморфную форму высотой до 1 м.

Визуальный осмотр некрополя позволяет сделать несколько предварительных выводов (рис. 1.-6). Во-первых, четыре кургана, расположенные в его западной части, по своим морфологическим характеристикам (каменная насыпь в виде сплошного панциря), вероятно, относятся к раннему железному веку.

Во-вторых, в центре площадки некрополя имеется сооружение в виде сырцовой конструкции четырехугольной в плане формы размером 6×8 м, высотой до 0,2–0,3 м, по сторонам которой отмечено несколько камней (сооружение 37). Вероятно, это и есть руинные остатки отъезжего караула типа камала, зафиксированного Б. Ж. Аубекеровым и И. В. Ерофеевой (2015, с. 73).

Восточная часть некрополя характеризуется в основном однотипными сооружениями: выкладки из камней овальной или округлой формы размерами 3–4×5–6×8 м. В нескольких случаях отмечались вертикально установленные плиты.

Предварительно сооружения некрополя могут быть атрибутированы как средневековые. Но вряд ли они относятся к погребениям казахов родов: нами не были зафиксированы родовые тамги на стелах, маркирующие в данной местности (междуречье рек Буланты-Белеутты) казахские захоронения. Другим аргументом «неказахского» происхождения погребений может служить расположение поминальных надмогильных камней с северо-восточной, юго-восточной сторон погребального сооружения. Например, казахские кулпытасы устанавливались в изголовье, как правило, с западной стороны погребения, с некоторыми отклонениями (Ажигали, 2023, с. 22).

Этнографические данные 2-й половины XVIII в. сообщают о погребальном обряде калмыков, которые «<...> покойников своих оставляют они или для истлевания на вольном воздухе, или погружают их в воду, или зарывают в землю, или сжигают. <...> Над некоторыми покойниками складывают они груды камней» (Георги, 2007, с. 407–408).

Достоверно установить культурно-хронологическую принадлежность этих захоронений можно только на основании археологических раскопок. Они могут относиться к погребениям ойратов. Упоминается, что на одном из каменных брусков, зафиксированном у подножья сопки, была выгравирована лаконичная надпись, составленная ойратским письмом (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73–74). Данный артефакт нами не был обнаружен. Не исключено, что погребальные конструкции могут датироваться и более ранним временем. Подобные надмогильные сооружения по своему внешнему виду сопоставимы с исследованными монгольскими комплексами в урочище Карасуыр (Усманова и др., 2018).

Некрополь на реке Курайлы. Расположен на левом берегу р. Курайлы, в 138 км к западу–юго-западу от г. Жезказгана, в 72,3 км к юго-западу от пос. Карсакбай, в 35,5 км к юго-востоку–востоку от пос. Байконур (рис. 2.-1). Некрополь занимает относительно ровную, возвышенную площадку, на которой визуально зафиксировано 21 по-

гребальное сооружение (рис. 2.-2). Высота площадки — высота над уровнем моря: ГТОРО30–312 м. Типологически они подразделяются на две группы: выкладки геометрической формы из камней размерами до 5 м; набросы из камней (рис. 2.-3–5), обложенные по краям сырцовыми блоками или комьями супеси светло-коричневого цвета.

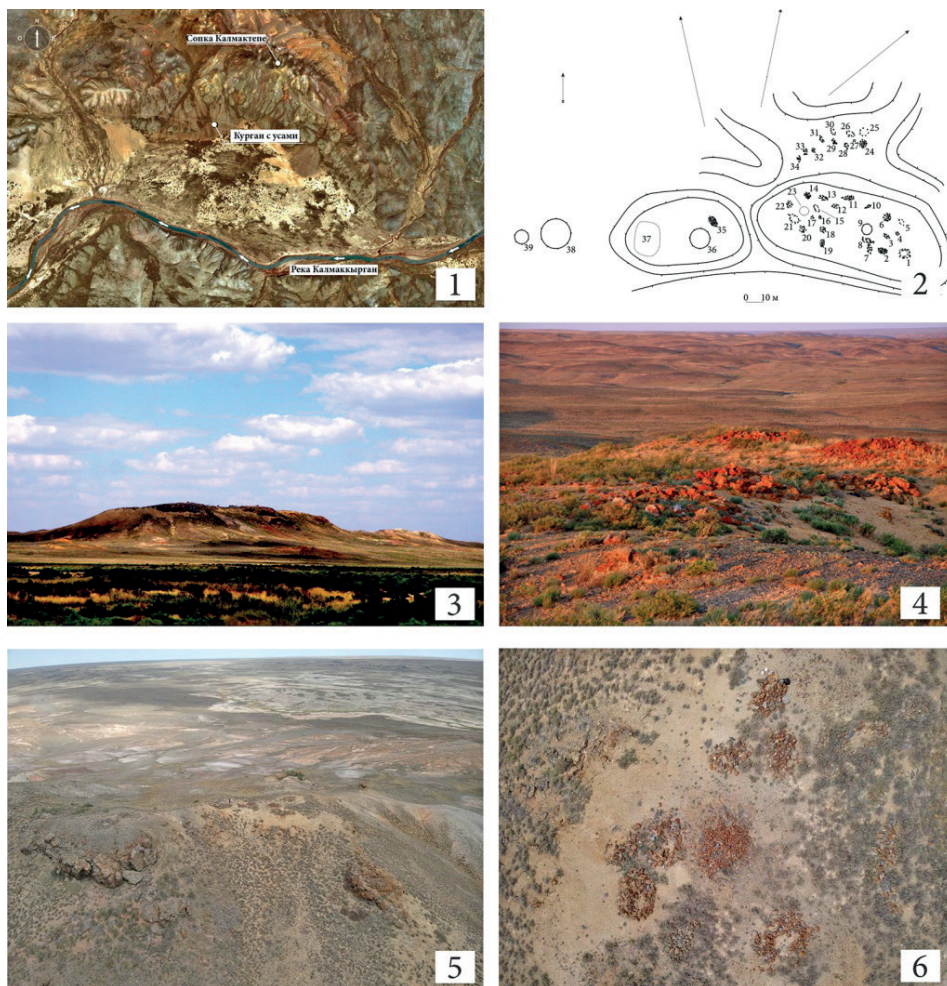

Рис. 2. Могильник на реке Курайлы: 1 — Google-карта. Общий вид некрополя в ландшафте левого берега р. Курайлы. Рисунок В. А. Лопатина; 2 — некрополь Курайлы. Ситуационный план; 3 — общий вид некрополя Курайлы. Фото Э. Р. Усмановой; 4 — некрополь Курайлы. Вид погребального сооружения. Фото Э. Р. Усмановой; 5 — некрополь Курайлы. Вид погребального сооружения. Фото Э. Р. Усмановой; 6 — некрополь Курайлы. Вид двух сынтасов с изображением разных тамг. Фото Э. Р. Усмановой

Fig. 2. Burial ground on the Kuraila River: 1 — Google map. General view of the necropolis in the landscape of the left bank of the Kuraila River. Figure by V. A. Lopatin; 2 — Kuraila Necropolis. Situational plan; 3 — General view of the Kuraila Necropolis. Photo by E. R. Usmanova; 4 — Kuraila Necropolis. View of the burial structure. Photo by E. R. Usmanova; 5 — Kuraila Necropolis. View of the burial structure. Photo by E. R. Usmanova; 6 — Kuraila Necropolis. View of two syntases with images of different tamgas. Photo by E. R. Usmanova

К сожалению, ограниченность во времени не позволила нам детально изучить этот некрополь. По устному сообщению краеведа К. Д. Турсунова (жителя города Жезказгана) могильник был найден им после пожара, когда обнажились надмогильные камни-сынтасы (Қазақ мәдениеті..., 2005, б. 564) с изображениями нескольких тамг. Именно этот ритуальный объект дал возможность идентифицировать данный могильник с захоронениями представителей казахских родов.

Надмогильные камни-сынтасы по внешнему облику однотипны и изготовлены из местного базальта, имеют вытянутую геометрическую форму длиной до 1 м, в их верхней части прочерчены тамги. Предварительно зафиксировано шесть стел с распознанными тамгами:

- треугольник (рис. 3.–5, 6);
- уголок с прорезанной вниз одной линией (рис. 3.–3, 4);
- две параллельные линии, пересеченные с одной стороны дополнительной чертой (рис. 3.–1, 2).

По устному сообщению археолога А. Е. Рогожинского две параллельные линии, пересеченные с одной стороны третьей чертой, можно связать с тамгой рода уак Среднего жуза (рис. 3.–1, 2). Треугольник предположительно относится к казахским племенам ошақты или шапырашты Старшего жуза (рис. 3.–5, 6). Уголок с протянутой вниз одной линией можно сопоставить с тамгой одного рода племени найман-баганалы (рис. 3.–3, 4). Один знак в виде скобы с начерченным над ней трехзубчатым зигзагом пока не подлежит определению как родовая тамга (рис. 3.–5, 6).

Роды баганалы и уак проживали в этом регионе в XVIII в. Вопрос остается открытым по поводу рода ошақты, основная масса его представителей жила на Сырдарье. Однако батыры из любых казахских племен и родов могли оказываться в самых разных районах степи в случае военной угрозы.

Относительно технического исполнения знаков А. Е. Рогожинский отмечает единообразие техники нанесения знаков на камни: практически все знаки наскоро прорезаны острым металлическим инструментом типа ножа. Возможно, что знаки тамг были нанесены одним человеком или двумя людьми. Для долговременных и разнородных могильников характерно разнообразие приемов резьбы по камню и более тщательная обработка самого камня, что не наблюдается на данном некрополе. Очевидно, что поминальные камни использовались без обработки.

На одних сооружениях установлены удлиненные камни, на других — погребальные камни имеют округлую форму. Камни подбирались с учетом возможности нанесения знаков: относительно больших размеров и с плоской поверхностью. Скорее всего, приносились из скального складчатого выхода берегового каньона реки, что подтверждает гипотезу о сооружении погребального комплекса в полевых условиях.

Таким образом, некрополь представляет собой тот редкий случай, когда на одной площади захоронены представители разных казахских родов и жузов. Возможно, формирование погребального поля объясняется братским воинским захоронением после сражения, которое не помешало после боя последовать древней казахской традиции «басына тас қою», что означает ставить камень на погребении.

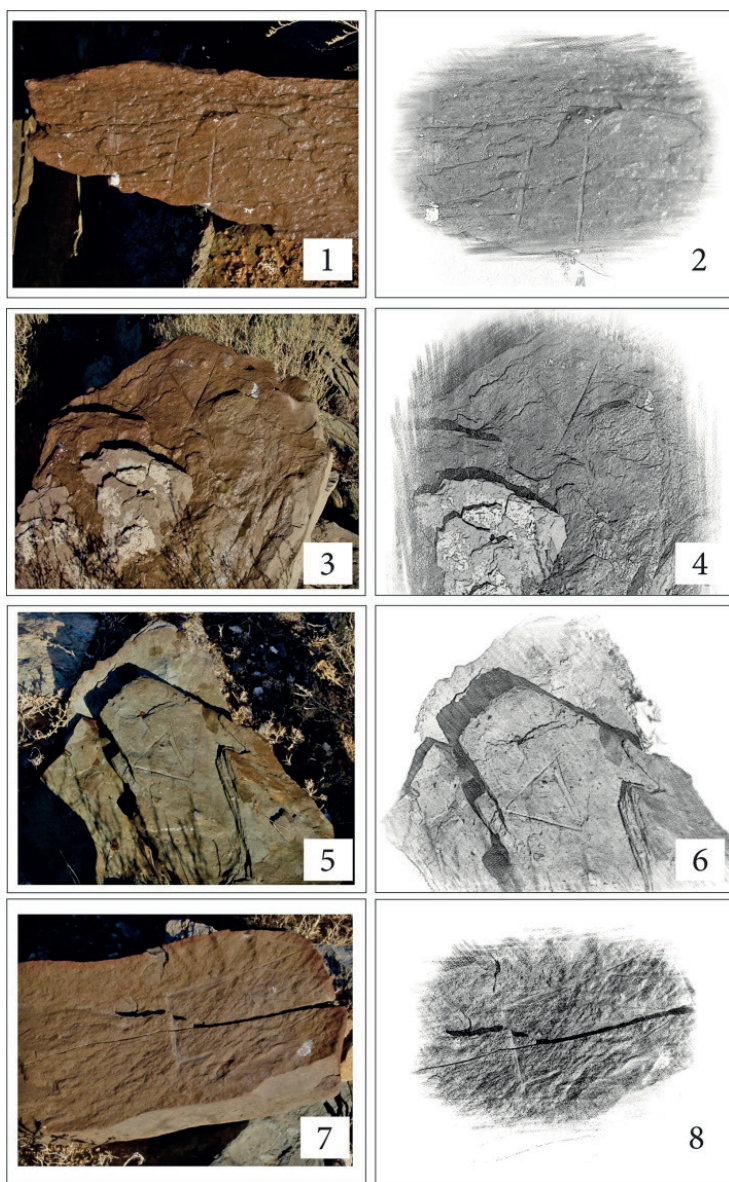

Рис. 3. Некрополь на реке Курайлы. Виды тамг. Фото Э. Р. Усмановой. Художественная обработка Ж. Н. Шайгозовой: 1–2 — некрополь Курайлы. Сынтас с изображением тамги рода уак; 3–4 — некрополь Курайлы. Сынтас с изображением тамги рода найман-баганалы; 5–6 — некрополь Курайлы. Сынтас с изображением тамги рода ошакты или шапырашты; 7–8 — некрополь Курайлы. Сынтас с изображением неопознанного знака

Fig. 3. Necropolis on the Kurailly River. Types of tamgas. Photo by E. R. Usmanova. Artistic processing by Zh. N. Shaigozova: 1–2 — Kurailly Necropolis. Syntas with the image of the tamga of the Uak clan; 3–4 — Kurailly Necropolis. Syntas with the image of the tamga of the Naiman-Baganaly clan; 5–6 — Kurailly Necropolis. Syntas with the image of the tamga of the Oshakty or Shapyrashty clan; 7–8 — Kurailly Necropolis. Syntas with the image of an unidentified sign

Заключение

При повторном обследовании некрополя на сопке Калмактепе было составлено детальное описание объектов и подтверждено наличие руинированной сырцово-кирпичной конструкции, вероятно, сторожевого поста-камала. Возможно, это остатки малого отъезжего ойратского караула. Они обычно выставлялись вперед на несколько десятков километров от стационарных больших караулов в момент повышенной опасности для кочевых ставок ойратской знати и высылали в разных направлениях для осмотра окружающей территории небольшие группы так называемых «подзорщиков» (Потанин, 1876, с. 22–24, 35–36; Гуляев, 1851, с. 68).

Его стратегическое местонахождение на вершине сопки давало возможность эффективно контролировать ближайшие подступы к долине реки Белеуитты. С сопкой Калмактепе связаны различные исторические предания и легенды о борьбе казахов с ойратами, которые сохранились у местного населения до нашего времени (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73).

В 1-й половине XVIII в. северные рубежи ойратских кочевий прикрывали от массового проникновения военных отрядов казахов во внутренние регионы Джунгарского ханства четыре крупных караульных поста джунгар, расположенных на территории Бетпакдалы. Самым передовым из всех этих караулов был стационарный пункт, размещавшийся возле невысокой горы в месте слияния речки Карагайлы (Дусен) с р. Калмаккырган (Белеуитты), которая называлась Калмак-Чингара, а с конца прошлого века была переименована в Калмактепе (Аубекеров, Ерофеева, 2015, с. 73).

Некрополь на берегу р. Курайлы представляет интерес в контексте военного ландшафта, так как на нем отмечается ритуальная ситуация с присутствием погребений различных казахских родов на одной погребальной площадке, а также в одном в погребальном сооружении, судя по изображениям тамг на камнях (рис. 2.-6). Возможно, такая социально-ритуальная ситуация формирования погребального комплекса объясняется братским воинским захоронением.

Кулпытасы и сынтасы (удлиненные камни) с родовыми тамгами встречаются в Казахстане повсеместно и, по мнению А. Т. Толеубаева, являются результатом развития традиции установки каменных изваяний-балбалов, характерных для VI–IX вв., т. е. для тюркского времени (Толеубаев, 1991, с. 104); возможно, они характеризуют реликты доисламских верований казахов, связанные с представлениями о сакральном (культ предков, мировой столп). В целом реликты доисламских верований казахов до сих пор отчетливо проявляются в обрядах жизненного цикла, особенно в погребально-поминальных, что подчеркивается в трудах современных исследователей. По этому поводу И. В. Стасевич пишет: противоречие между официальной религиозной традицией (концептуальной теорией) и авторитетом предписаний, основанных на уважении обычая предков (практикой), разрешается в пользу последнего (Стасевич, 2011, с. 152). Эта обрядовая особенность выражена в поминально-культовой материальной действительности некрополя на р. Курайлы.

На данный момент ландшафт военного конфликта в междуречье Буланты-Белеуитты представлен преимущественно погребально-поминальными комплексами, рассредоточенными на местности, что указывает на масштаб социально-военных отношений

между ойратами и казахами в XVIII в. Очевидна необходимость историко-археологического изучения района, которое позволит предметно подойти к реконструкции этого исторического события.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ажигали С. Е. Казахские кулпытасы — аналоги якутских сэргэ: ареал, типология, генезис // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 4. С. 20–36.

Аубекеров Б. Ж., Ерофеева И. В. Ландшафтно-геоморфологические факторы формирования наступательной стратегии и тактики казахов-кочевников в войне с джунгарами 1723–1730 гг. // Булантинская битва: История исследований: научно-информационный альбом. Улытау: Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», 2015. С. 68–83.

Булантинская битва: История исследований. Научно-информационный альбом. Улытау: Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», 2015. 210 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2007. 808 с.

Гуляевъ С. И. Замѣтки объ Иртышѣ и странахъ, имѣ орошаемыхъ // Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго общества на 1851 годъ. Ч. 3. СПб.: Типографія военно-учебныхъ заведеній, 1851. С. 41–88.

Диваев А. А. Мавзолей Кок-Кесене: историко-археологическая заметка // Протоколы Туркестанского кружка археологии. 1905. Т. X. С. 40–42.

Ерофеева И. В. Аныракай // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана. Алматы: WorkLine, 2014а. С. 49–52.

Ерофеева И. В. Белеутиты // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана. Алматы: WorkLin», 2014б. С. 86–87.

Потанинъ Г. Н. Наши сношенія съ Джунгарскими владѣльцами // Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ. Т. 2. Вып. 1. СПб.: Русская Скоропечатня (П. С. Нахимова), 1876. С. 1–64.

Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с.

Стасевич И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 200 с.

Усманова Э. Р., Дремов И. И., Панюшкина И. П., Колбина А. В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр, Улытау // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 2. С. 106–113.

Усманова Э. Р., Оразбек Е. Ж., Перевозов С. В. Научный отчет о полевых исследованиях в Улытауском районе Карагандинской области в 2010 г. по теме «Исследование исторической местности междуречья Буланта-Белеутиты в контексте казахско-джунгарских отношений в XVIII веке» // Научный архив КазНИИ ПКНН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 127–128.

Қазақ мәдениеті. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: «Аруна Ltd.» ЖШС, 2005. 656 б.

REFERENCES

Azhigali S. E. Kazakh kulpytas — Analogues of the Yakut Serge: Area, Typology, Genesis. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik = North-Eastern Humanitarian Herald*. 2023;4:20–36. (In Russ.)

Aubekero B. Zh., Erofeeva I. V. Landscape and Geomorphological Factors in the Formation of the Offensive Strategy and Tactics of the Kazakh Nomads in the War with the Dzungars in 1723–1730. In: *Battle of Bulanty: History of Research. Scientific and Information Album*. Ulytau: Nacional'nyj istoriko-kul'turnyj i prirodnyj zapovednik-muzej “Ulytau”, 2015. Pp. 68–83. (In Russ.)

Battle of Bulanty: History of Research. Scientific and Information Album. Ulytau: Nacional'nyj istoriko-kul'turnyj i prirodnyj zapovednik-muzej “Ulytau”, 2015. 210 p. (In Russ.)

Georgi I. G. Description of All the Peoples Living in the Russian State: Their Everyday Rites, Customs, Clothing, Dwellings, Exercises, Amusements, Religions and Other Memorable Things. Saint Petersburg: Russkaya simfoniya, 2007. 808 p. (In Russ.)

Gulyaev S. I. Notes on the Irtysh and the Countries Irrigated by It. In: *Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society for 1851*. Ch. 3. Saint Petersburg: Tipografiya voenno-uchebnyh zavedenij, 1851. Pp. 41–88. (In Russ.)

Divaev A. A. Kok-Kesene Mausoleum. Historical and Archaeological Note. *Protokoly Turkestanskogo kruzhka arheologii = Protocols of the Turkestan Archaeology Circle*. 1905: X:40–42. (In Russ.)

Erofeeva I. V. Anyrakaj In: *Brief Encyclopedic Dictionary of Historical Toponyms of Kazakhstan*. Almaty: WorkLine, 2014a. Pp. 49–52. (In Russ.)

Erofeeva I. V. Belewitty. In: *Brief Encyclopedic Dictionary of Historical Toponyms of Kazakhstan*. Almaty: WorkLine, 2014b. Pp. 86–87. (In Russ.)

Potanin G. N. Our Relations with the Dzungarian Rulers. In: *Collection of Historical and Statistical Information about Siberia and Neighboring Countries*. Vol. 2. Issue. 1. Saint Petersburg: Russkaya Skoropechatnya (P. S. Naximova), 1876. Pp. 1–64. (In Russ.)

Toleubaev A. T. Relics of Pre-Islamic Beliefs in the Family Rituals of the Kazakhs. Alma-Ata: Gylym, 1991. 214 p. (In Russ.)

Stasevich I. V. Social Status of Women among Kazakhs: Traditions and Modernity. Saint Petersburg: Nauka, 2011. 200 p. (In Russ.)

Usmanova E. R., Dremov I. I., Panyushkina I. P., Kolbina A. V. Mongol Warriors of the Ulus of Jochi Based on Materials from the Burial Ground of Karasuyr, Ulytau. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2018;46(2):106–113. (In Russ.)

Usmanova E. R., Orazbek E. Zh., Perevozov S. V. Scientific Report on Field Research in the Ulytau District of the Karaganda Region in 2010 on the topic “Study of the Historical Area of the Bulanty-Belewitty Interfluvium in the Context of Kazakh-Dzungar Relations in the 18th Century”. In: *Scientific Archive of the Kazakh Research Institute PKNN*. F. 3. Op. 1. D. 53. L. 127–128. (In Russ.)

Қазақ мәдениеті. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: “Аруна Ltd.” ЖШС, 2005. 656 б. (In Kazakh.)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Усманова Э. Р.: руководство археологической экспедицией, в ходе которой осуществлялся сбор материала, обработка материала, написание статьи.

E. R. Usmanova: leadership of an archaeological expedition, during which the collection of material, processing of material, and writing of an article were carried out.

Дмитриев Е. А.: обработка материала, написание и редактura статьи.

E. A. Dmitriev: processing of material, writing and editing of the article.

Жумашев Р. М.: организация археологической экспедиции, в ходе которой осуществлялся сбор материала, сбор данных по этнографии.

R. M. Zhumashev: organization of an archaeological expedition, during which material was collected, data on ethnography was collected.

Шайгозова Ж. Н.: художественная обработка изображений тамг, этнографический ресурс интерпретации.

Zh. N. Shaigozova: artistic processing of tamga images, ethnographic resource of interpretation.

Лопатин В. А.: подготовка Google-карт местонахождений памятников.

V. A. Lopatin: preparation of Google maps of the sites locations.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Усманова Эмма Радиковна, научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском исследовательском университете имени академика Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан; научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан; научный сотрудник Института археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Emma R. Usmanova, Researcher, Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda Research University, Karaganda, Kazakhstan; Researcher at the Institute of Archaeology Named after A. Kh. Margulan, Almaty, Kazakhstan; Researcher at the Institute of Archaeology Named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

Дмитриев Евгений Анатольевич, научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском исследовательском университете имени академика Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан; аспирант Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Evgeniy A. Dmitriev, Researcher, Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganda Research University, Karaganda, Kazakhstan; Postgraduate Student, Altai State University, Barnaul, Russia.

Жумашев Рымбек Муратович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории Карагандинского исследовательского университета им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан.

Rymbek M. Zhumashev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archaeology, Ethnology and National History, Buketov Karaganda Research University, Karaganda, Kazakhstan.

Шайгозова Жанерке Наурызбаевна, кандидат педагогических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая, Алматы, Казахстан.

Zhanerke N. Shaigozova, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Kazakh National Pedagogical University Named after Abai, Almaty, Kazakhstan.

Лопатин Владимир Анатольевич, краевед-картограф, Житикара, Казахстан.

Vladimir A. Lopatin, Local Historian and Cartographer, Zhitikara, Kazakhstan.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;

одобрена после рецензирования 26.05.2025;

принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 01.02.2025;

approved after reviewing 26.05.2025;

accepted for publication 16.06.2025.